

Кузьмина Раиса Петровна

**О НЕКОТОРЫХ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКАХ В ОБЛАСТИ МОРФОЛОГИИ И ЛЕКСИКИ
ЗАПАДНОГО НАРЕЧИЯ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА**

В статье предпринимается попытка описания некоторых лингвистических особенностей в морфологической и лексической системе четырех эвенских говоров: нижнеколымского, тугесирского, усть-янского, томпонского. Выявленные дифференциальные признаки в области морфологии и лексики позволяют данные говоры отнести к западному наречию эвенского языка. Также следует отметить, что язык данных эвенских групп существенно отличается от языка магаданских, камчатских, хабаровских и березовских эвенов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. С. 116-118. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

В статье предпринимается попытка описания некоторых лингвистических особенностей в морфологической и лексической системе четырех эвенских говоров: нижнеколымского, тюгесирского, усть-янского, томпонского. Выявленные дифференциальные признаки в области морфологии и лексики позволяют данные говоры отнести к западному наречию эвенского языка. Также следует отметить, что язык данных эвенских групп существенно отличается от языка магаданских, камчатских, хабаровских и березовских эвенов.

Ключевые слова и фразы: эвенский язык; наречие; говоры; лексические диалектизмы; морфологическая система.

Кузьмина Ранса Петровна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
raisakuzmina2013@yandex.ru*

О НЕКОТОРЫХ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКАХ В ОБЛАСТИ МОРФОЛОГИИ И ЛЕКСИКИ ЗАПАДНОГО НАРЕЧИЯ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА[©]

Языковая формация под названием западное наречие эвенского языка включает в себя такие говоры как аллаховский, усть-янский, нижнеколымский, томпонский (адыччинский и бараинский подговоры), ламунхинский, догдо-чебогалахский, оймьяконский, тюгесирский [1, с. 85].

Из исследуемых говоров частичное описание определенных морфологических особенностей нижнеколымского говора эвенов нашло отражение в работе Х. И. Дуткина «Тундренный диалект западного наречия эвенского языка: этнолингвистическое и этногеографическое исследование» [2] и в статье С. И. Шариной «Некоторые особенности языка нижнеколымских эвенов» [7].

В статье также использовались полевые записи автора, собранные в рамках проектов НИР и РГНФ в 2004-2013 гг. в Усть-Янском, Эвено-Бытантайском, Нижнеколымском, Томпонском районах (улусах) Республики Саха (Якутия).

По данным наших лингвистических исследований, «для нижнеколымских эвенов характерно многоязычие, и в повседневной речи, кроме родного языка, они используют якутский, русский, юкагирский, чукотский языки. Однако следует отметить, что язык нижнеколымских эвенов старшего возраста сохранил свои основные черты, несмотря на контактирование с другими языками, тогда как эвенская речь молодого поколения под воздействием якутского и русского языков подверглась значительным изменениям. Это проявляется, прежде всего, на лексическом уровне, в наличии большого количества заимствований» [3, с. 108].

Усть-янские эвены проживают в п. Депутатский, Уянди и Сайылык Усть-Янского улуса Республики Саха (Якутия). Эвены Усть-Янья имели в прошлом следующие родо-племенные названия: деллянкин, мэмэ, кукуюн. Эвенский язык сохраняется в основном среди старшего поколения эвенов Усть-Янья и функционирует в быту, а также в производственных коллективах.

Один из говоров западного наречия – томпонский – включает в себя несколько подговоров: адыччинский, алах-юньский и бараинский. Это отмечалось в работах и других исследователей [5; 6]. Согласно проведенным нами исследованиям языка томпонской группы эвенов в 2007, 2010 гг., «в последние годы различия в речи среднего поколения представителей упомянутых выше родов нивелируются, но в то же время сохраняются в речи старшего поколения» [4, с. 70].

Язык всех перечисленных выше эвенских говоров западного наречия обладает рядом фонетических, морфологических и лексических особенностей, отличающих их от литературного языка и восточных говоров эвенского языка. Возможными факторами появления отличительных черт в языке данных групп являются культурные, социально-экономические и политические взаимодействия с другими этносами, так как территорией проживания рассматриваемых говоров является Республика Саха (Якутия) – регион, где в тесном языковом и культурном контакте проживают многие народы.

Итак, наиболее устойчивыми особенностями перечисленных говоров в области морфологии и лексики являются:

Во всех рассматриваемых говорах, в отличие от литературного языка и восточных говоров эвенов, при образовании множественности у существительных с неусеченной основой на *-н* конечные согласные ассимилируются в *-л*, напр.:

нижнекол., тюг., у-я, том.

мурын – муры-л

һуличан – һулича-л

орын – оры-л

лит.

мура-р

хуличар

орар

рус.

лошади

лисы

олени

Во 2-м и 3-м лицах личные показатели имен существительных в говорах имеют следующий вид: нижнекол., тюг. *-һни, -һни; у-я -һни, -һни* (лит. *-һси*):

нижнекол., тюг.	у-я, том.	лит.	рус.
<i>амаһни</i>	<i>аманһи</i>	<i>аманси</i>	твой отец
<i>аманни</i>	<i>аманни</i>	<i>амансин</i>	его отец

При образовании лично-притяжательных форм существительных в нижнеколымском и тюгясирском говорах во 2-м л. мн. ч. во всех позициях используется суффикс *-һна/-һнэ/-һны*, в томпонском, усть-янском говорах – *-һан/-һэн*; в литературном языке – *-сан/-сэн*:

нижнекол., тюг.	том., у-я	лит.	рус.
<i>амаһна(ы)</i>	<i>аманһан</i>	<i>амансан</i>	<i>ваш отец</i>

В нижнеколымском, томпонском, усть-янском говорах в 3 л. мн. ч. используется аналогичный литературному формант *-тан/-тэн/-тын*, в тюгясирском – *-тһан/-тһэн*:

тюг.	нижнекол., том., у-я	лит.	рус.
<i>дютһан</i>	<i>дюта(ы)һ</i>	<i>дютан</i>	их седла

Во всех исследуемых говорах в парадигме склонения не употребляются направительно-местный и направительно-продольный падежи¹.

Также в этих говорах не встречается эксклюзивная форма местоимения 1 л. мн. ч. бу.

В рассматриваемых говорах отсутствуют формы 1 л. ед. ч. – *мин*, 1 л. мн. ч. (искл.) – *мун*, 2-го л. ед. ч. – *һин*, 2-го л. мн. ч. – *һун*.

Будущее неопределенное время 1 л. ед. ч., 3 л. ед. и мн. ч. во всех данных говорах образуется с помощью формантов *-д'инга/-д'ингэ*, напр.: ед. ч. – *би танд'ингаву* «я прочитаю», *һонһон танд'ингаван* «ты читаешь»; мн.ч. – *һонһортон танд'ингавутһа, танд'ингавутһан* «они читают».

Как и в литературном языке эвенского языка, в нижнеколымском, томпонском, усть-янском говорах повелительная форма глагола 3 л. мн. ч. выражается при помощи суффикса *-тан/-тэн, -тын* (лит. *-тан/-тэн*), в тюгясирском – *-тһа/-тһэ*, напр.:

тюг.	нижнекол., том., у-я	лит.	рус.
<i>гургэвчидэтһэ</i>	<i>гургэвчидэты(э)һ</i>	<i>гургэвчидэтэн</i>	пускай (они) знают

Изывительная форма прошедшего времени во всех исследуемых говорах, кроме усть-янского, во 2 л. мн. ч. имеет форманты *-һна/-һнэ/-һны*, в усть-янском – *-һан/-һэн* (лит. *-сан/-сэн*):

тюг., нижнекол., том.	у-я	лит.	рус.
<i>танһниһна(ы)</i>	<i>танһниһан</i>	<i>танһнисан</i>	прочитали

С. И. Шарина в нижнеколымском говоре обнаруживает бытование формы *-һат/-һэт* и отмечает, что данный аффикс «имеет значение, близкое к семантике суффикса обычного вида *-ват/-вэт*» [7, с. 193]. Такая форма зафиксирована нами в тюгясирском и ламунхинском говорах: *Гор-да гор һөлүтһэтчэ* / «Долго-долго гнался (бедный)».

В нижнеколымском, тюгясирском говорах и адыччинском подговоре томпонского диалекта частотными являются формы причастий прошедшего времени с формантами *-ча/-чэ*, напр.: *һөрчэ бэй мүчүчэ* «ушедший человек вернулся».

В речи 29 информантов в возрасте от 42 до 77 лет всех этих говоров, в частности эвенов из п. Андрюшкино Нижнеколымского улуса Якутии Н. М. Куриловой, 1972 г. рождения, Е. М. Тарковой, 77 лет, уроженцев п. Тополиное Томпонского р-на Н. М. Голиковой, 1946 г. рождения, М. В. Турантаевой, 59 лет, эвенов из п. Сайылык, Уянди Усть-Янского улуса 76-летней И. А. Суздальной, Т. А. Протопоповой, 1949 г. рождения и др., используются наречия, заимствованные из якутского языка, напр.: *эһиэ* «опять», *мэнэ* «зря», *букэтын* «совсем, вовсе, совершенно» от як. *букатын, арай* «вдруг», от як. *арай*.

В области лексики отмечается наличие диалектизмов, не имеющих параллелей в говорах восточного наречия, а также в литературном языке эвенов, например: том. – *һпкийэ*, лит. *тэргэс* «замша»; том. – *тэм*, лит. *моми* «лодка»; том. – *киһнэ*, лит. *мэрэнтэ* «лыжи»; нижнекол. – *унэн*, лит. *дю* «дом»; том. – *абага*; нижнекол., том. – *упэ*, лит. *ата* «бабушка»; нижнекол. – *амун*, лит. *икири* «кость»; нижнекол. *чилгэ*, лит. *һока* «якут»; нижнекол., тюг. *ибго*, лит. *ай* «хороший, добрый, славный» и др.

Заимствованная лексика в говорах представлена якутизмами, русизмами и юкагиризмами. Из якутского языка заимствованы следующие лексемы, например: том., нижнекол. – *дээ* «ну, вот, и вот, что ж, ну что»; том. – *арай* «вдруг»; нижнекол., том. – *альһ* «очень, весьма; слишком» (от як. *алыс*); нижнекол. – *букатын*

¹ Имя существительное в направительно-продольном падеже имеет значение места или предмета, по краю которого, вдоль которого, над которым производится действие; имя существительное в направительно-местном падеже имеет значение предмета или места, перед которым, около которого совершается действие.

«совсем, вовсе, совершенно, вконец; безвозвратно, навсегда»; нижнекол., том. – *боллагана* (от як. *буоллар* «если б...»); том. – *арбаку-арбаня* «косматый, лохматый» (от як. *арбайбыт*) и др.

Во всех этих говорах активно используются следующие русские заимствования, напр.: *пастук* (от рус. *пастух*); *детсат* (от рус. *детсад*); *местэ* (от рус. *место*); *первэй* (от рус. *первый*); *арайон* (от рус. *район*); *теленон* (от рус. *телефон*); *тундара* (от рус. *тундра*) и др.

Из исследуемых говоров западного наречия наибольшее число юкагиризм зафиксировано в языке нижнеколымских эвенов. Юкагирскими по происхождению являются следующие диалектизмы, напр.: нижнекол. – *налима* «нарта» (от юк. кол. *налимэ*, юк. тундр. – *лалимэң*); тюг., нижнекол. – *нимба* «доска для обработки шкур» (от юк. кол. *нинбэ* «доска для кройки»); нижнекол. – *олдьэ* «лодка» (от юк. тундр. *өл'д'эң*); тюг. – *көтлэн* «маленький» (от юк. тундр. *көйлэң*); нижнекол. – *онди* «вода» (от юк. тундр. *од'и*); нижнекол. – *эмдьэ* «младший брат, младшая сестра» (от юк. *эмдьэ*); нижнекол. – *киага* «дедушка» (от юк. устар. термина родства) и др.

Таким образом, представленный лингвистический материал исследуемых эвенских говоров дает основание сделать вывод об их общих морфологических и лексических дифференциальных признаках. Все описанные характерные особенности свойственны другим говорам западного наречия эвенского языка. Итак, в области морфологии во всех этих говорах множественное число у существительных с неусеченной основой на *-н* образуется при помощи форманта *-л*; в говорах отсутствуют направительно-местный и направительно-продольный падежи; в системе личных местоимений в говорах не применяются форма местоимения 1 л. мн. ч. *бу*, формы 1 л. ед. ч. – *мин*, 1 л. мн. ч. (искл.) – *мун*, 2 л. ед. ч. – *хин*, 2 л. мн. ч. – *хун*; во всех говорах при образовании будущего неопределенного времени 1 л. ед. ч., 3 л. ед. и мн. ч. употребляется аффикс *-д'инга/-д'ингэ* и др. Лексический состав этих говоров единообразен. В лексике говоров имеются собственно лексические диалектизмы, не встречающиеся в других говорах эвенов, в частности в говорах восточного наречия. Также в лексике данных эвенских групп наличествуют русизмы, якутизмы и юкагиризмы.

Используемые сокращения в названиях говоров:

ад. – адыччинский; лит. – литературный; н-к – нижне-колымский; рус. – русский; том. – томпонский; тюг. – тугягирский; у-я – усть-янский; юк. – юкагирский; як. – якутский.

Список литературы

1. Бурькин А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 384 с.
2. Дуткин Х. И., Белянская М. Х. Тундренный диалект западного наречия эвенского языка: этнолингвистическое и этногеографическое исследование. СПб.: Бельведер, 2009. 168 с.
3. Кузьмина Р. П. Некоторые фонетические особенности нижнеколымского говора эвенов // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (77). С. 108-110.
4. Кузьмина Р. П. Отличительные черты в системе консонантизма эвенских говоров (на материале томпонского и ламунхинского говоров эвенского языка) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 8 (87). С. 69-74.
5. Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 206 с.
6. Новикова К. А. Основные особенности эвенских говоров Якутской АССР // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М.: Наука, 1958. С. 186-205.
7. Шарина С. И. Некоторые особенности языка нижнеколымских эвенов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38). Ч. 1. С. 191-193.

ON CERTAIN DIFFERENTIAL FEATURES IN THE SPHERE OF MORPHOLOGY AND VOCABULARY OF THE WESTERN DIALECT OF THE EVEN LANGUAGE

Kuz'mina Raisa Petrovna, Ph. D. in Philology

Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
raisakuzmina2013@yandex.ru

The article aims to describe certain linguistic peculiarities in the morphological and lexical system of the four Even dialects: Lower Kolyma, Tugesirskiy, Ust-Yansky, Tomponsky. Identified differential features in the sphere of morphology and vocabulary allow referring these dialects to the western dialect of the Even language. It is also worth mentioning that the language of these Even groups differs cardinaly from the language of Magadan, Kamchatka, Khabarovsk and Berezovskiy Evens.

Key words and phrases: the Even language; dialect; dialects; lexical dialecticisms; morphological system.